

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ТЕКСТУ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА*

В.А. МАДЖАРОВА, адъюнкт Академии МВД Республики Беларусь ©

В связи с возрастанием темпов нормотворческой деятельности в настоящее время в нашей республике особую актуальность приобретают проблемы, связанные с языком изложения нормативных предписаний содержащихся в тексте нормативных правовых актов. Статья посвящена проблемам нормативного закрепления требований, предъявляемых к текстам нормативных правовых актов. В связи с тем, что рассматриваемая проблема лежит как в области юриспруденции, так и в области филологии, она рассматривается с учетом точек зрения как ученых-юристов, так и ученых-лингвистов. Автором рассматриваются требования, предъявляемые к правовым текстам, которые закреплены в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» и Правилах подготовки проектов нормативных правовых актов Республики Беларусь, формируется их общий список, дается юридическая и филологическая характеристика. Используя сравнительный метод исследования, автором делаются выводы о возможности корректировки требований, предъявляемых к текстам нормативных правовых актов в Республике Беларусь, вносятся конкретные предложения.

Темпы деятельности по созданию нормативных правовых актов в Республике Беларусь, начиная с 90-х годов XX века, были и по настоящее время остаются очень высокими. Несмотря на то, что «мудрая неторопливость» – неременный атрибут качественной законотворческой работы [1, с.9], только в течение 2006 года в Беларуси было принято более 100 законов, 22 декрета, 760 указов Президента, свыше 1800 постановлений Правительства и 2000 ведомственных нормативных правовых актов.

Естественно, что столь большие объемы издания нормативных правовых актов влекут за собой «нестабильность белорусского законодательства, отсутствие должной для него системы, а кроме того наличие в нем противоречий и неясно сформулированных положений» (Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2006 году»). Все это не может негативно не сказаться на эффективности правового регулирования. Поэтому Конституционный Суд Республики Беларусь в своих ежегодных посланиях к Президенту Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» подчеркивает необходимость уделять в процессе правотворческой деятельности повышенное внимание содержанию нормативных правовых актов. К тому же мировая практика конституционного правосудия свидетельствует о том, что нормативный правовой акт может быть

признан неконституционным уже по той причине, что содержит неясные, двусмысленные формулировки, которые приводят к разночтению [2, с.226].

В связи с этим особенно актуальным представляется вопрос, касающийся текста нормативных правовых актов и требований, к нему предъявляемых.

Требования, предъявляемые к языку нормативных правовых актов, зародившись в эпоху Древнего мира, развивались и совершенствовались на протяжении всей истории человечества. О краткости, точности, ясности и доступности правовых предписаний для адресата в разное время писали Платон, Ф. Аквинский, Т. Гоббс, Ф. Бэкон, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Бентам, Г.В.Ф. Гегель и другие. Некоторые аспекты указанной проблемы содержались в трудах М.М. Сперанского, Ф. Жени, П.И. Пестеля.

Не остался без внимания рассматриваемый вопрос и в рамках белорусской политико-правовой мысли. Требования, которые должны предъявляться к языку права, нашли свое отражение в трудах Ф. Скорины, А. Олизаровского, Л. Сапеги, К. Богуславского, И. Стройновского.

Эти же требования выделяются и современными учеными-юристами в странах, относящихся к романо-германской правовой семье.

В Беларуси требования, предъявляемые к тексту нормативного правового акта, получили законодательное закрепление в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»

* Статья поступила в редакцию 22 апреля 2007 года.

(далее – Закон) и в Правилах подготовки нормативных правовых актов» (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 25 апреля 2005 г. №189) (далее – Правила). В статье 31 Закона говорится о том, что тексты нормативных правовых актов должны излагаться лаконично, простым и ясным языком с соблюдением официально-делового стиля литературного языка и юридической терминологии. В пункте 41 Правил перечень требований, предъявляемых к изложению текста нормативных правовых актов, несколько расширен. Так, помимо ясности, простоты языка правовых предписаний здесь говорится еще и об его доступности, а также о краткости и точности изложения правовых норм.

Самым первым и главным требованием, предъявляемым к языку права, является требование ясности текста правовых предписаний. В юридической литературе это требование еще обозначается как требование доступности, понятности, четкости [3, с.119].

В словаре С.И. Ожегова одной из трактовок слова «ясный» является «логичный, стройный, четкий» [4, с.900]. Под ясностью правового текста юристами понимается его простота и понятность, отсутствие многозначности [5, с.96].

Думается, что в тексте Правил и Закона (во исполнение требования лаконичности, о котором речь пойдет далее) можно закрепить только требование ясности, так как простота, понятность и доступность правового текста отождествляется юристами с его ясностью. Этот же вывод можно сделать, сравнив определения обозначенных понятий. В словаре С.И. Ожегова [4, с.172, 552, 612] «доступный» трактуется как легкий для понимания, слово «понятный» – как доступный для понимания, а слово «простой» – как легко доступный для понимания. То есть эти термины в русском языке, исходя из приведенных выше определений, обозначают практически одно и то же. В связи с этим видится, что корректировка статьи 31 Закона и пункта 41 Правил не отразится негативно на эффективности правового регулирования и, кроме того, устранит имеющуюся в данный момент тавтологию.

Один из путей выполнения требования ясности – составление легко воспринимаемых и, по возможности, коротких предложений. Это положение отражено в пункте 46 Правил, где указано, что при формулировании текста проекта акта следует избегать длинных и сложных предложений, а также перегрузки простых предложений однородными членами. В комментарии к статье 28 Закона говорится о том, что в текстах нормативных правовых актов «предложения строятся согласно общепринятым правилам белорусского или русского языка, избегая длинных и сложных предложений» [6, с.109]. Ученые-юристы рекомендуют

не перегружать нормативный правовой акт сложными грамматическими конструкциями, причастными и деепричастными оборотами. В тексте нормативного правового акта следует ставить больше точек и меньше знаков препинания которые используются для разделения сложносочиненных предложений (запятая, тире, точка с запятой). Это связано с тем, что человек может держать в период краткосрочной памяти только несколько мыслей. Освоив две или три мысли, он нуждается в короткой паузе, сигналом для которой служит точка.

Однако это, к сожалению, не всегда в полной мере учитывается белорусским законодателем. Например, в диспозиции части 3 статьи 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), состоящей всего из одного предложения, насчитывается 6 альтернативных мыслей, содержащих 45 слов и 12 различных знаков препинания. Такая нагроможденность вызывает некоторые затруднения у молодых сотрудников следственных подразделений. Следует отметить, что по результатам исследования, проведенного автором, более 60% сотрудников следственных подразделений г. Минска имеют стаж работы по специальности менее пяти лет. Представляется, что в данном и других ему подобных случаях, диспозицию статьи было бы предпочтительнее оформить по аналогии с части 2 статьи 147 УК, то есть нумерованным списком, в котором каждая мысль закреплялась бы в отдельном пункте.

Кроме того, во исполнение данного требования следует избегать употребления без объяснения сложных, малоизвестных терминов. Такое употребление нежелательно, так как в этом случае придется очень часто прибегать к толкованию, а это негативно сказывается на эффективности правового регулирования.

Только при ясности изложения нормы права может реально осуществиться правило, согласно которому незнание закона не служит основанием для его невыполнения. Ясность нормативного правового акта способствует правильному и полному восприятию содержащейся в нем информации, обеспечивает эффективность действия правовых предписаний.

Следующее требование, предъявляемое к языку нормативных правовых актов, – требование точности. Это требование в современной юридической науке выделяют В.А. Власенко, А.С. Пиголкин, Т.В. Кашанина и др. [3, с.120; 7, с.15–16; 8, с.149]. Упоминается о точности изложения текста правовых норм и в отечественной правовой литературе [9, с.15]. В пункте 41 Правил говорится о точности изложения правовых норм в тексте проекта нормативного правового акта, а вот в Законе это требование никак не отражено.

Словарь русского языка С.И. Ожегова под «точностью» понимает «степень соответствия чему-либо» [3, с.793]. Применительно к праву под точностью можно понимать достижение наибольшего соответствия между мыслью законодателя и нормой права, содержащейся в нормативном правовом акте.

Иногда требование ясности и требование точности изложения правовых предписаний могут вступать в противоречие между собой. Излишняя точность способна привести к усложнению и неясности правового текста, а чрезмерная ясность и доступность может воспрепятствовать его точности. Кроме того, упрощение языка закона может помешать точному выражению в словесной форме каких-либо сугубо правовых нюансов. А.А. Ушаков [10, с.25], например, среди объективных трудностей, с которыми сталкивается законодатель, указывал тот факт, что нормативные правовые акты регулируют столь сложные жизненные ситуации, что о них нельзя говорить «облегченно и просто». Академик Л.В. Щерба писал о том, что язык права требует, прежде всего «точности и невозможности каких-либо кривотолков» [11, с.119]. Быстрота понимания, по его мнению, не представляет исключительной важности, так как заинтересованный человек может прочесть статью закона и два и три раза. Тем не менее, юристы, исследующие обозначенную проблему, настаивают на том, что при наличии таких противоречий следует отдавать предпочтение точности [7, с.22]. Без точного изложения текста правовой нормы теряется ее определенность, создаются условия для его противоречивого толкования, что, в свою очередь, негативно сказывается на эффективности правового регулирования.

Немецкие юристы отождествляют точность правовых предписаний с их ясностью и поэтому точность как самостоятельное требование, предъявляемое к языку законов и постановлений, там не выделяется [12, с.26]. Тем не менее, исходя из особенностей русского языка, видится, что точность и ясность изложения правовых норм – два самостоятельных требования. Применим уже использовавшийся нами ранее метод сравнения и сравним их определения. Если ясность изложения правового текста трактуется как его понятность и простота, то точность – степень соответствия между мыслью законодателя и нормой права, содержащейся в нормативном правовом акте. Следовательно, поставить знак равенства между требованием ясности и требованием точности нельзя уже исходя из их дефиниций.

В связи с этим и исходя из того, что выполнение требования точности имеет немалое значение для достижения целей правового регулирования, видится возможным закрепить требование

точного изложения норм права в тексте нормативных правовых актов в статье 31 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах».

Еще одним требованием, предъявляемым к языку права, является экономичность [13, с.26], краткость [14, с.102] его изложения. Данное требование закреплено статьей 31 Закона и пунктом 41 Правил. Однако в первом из обозначенных документов речь идет о лаконичности изложения правового текста, а во втором – о краткости изложения правовых предписаний в проекте нормативного правового акта (что по сути дела и является правовым текстом – *прим. авт.*). Представляется целесообразным для обозначения данного требования использовать один и тот же термин в обоих документах, так как в нормативных правовых актах, имеющих сходный объект правового регулирования необходимо использовать одинаковую терминологию.

Применительно к праву лаконичность выражается в том, что мысль законодателя должна выражаться ограниченным числом терминов и фраз. Это вытекает из того, что основная его функция правового текста – передача предписания, приказа, а чем лаконичнее изложен текст, тем лучше и легче он воспринимается исполнителями.

Однако отметим, что данное требование не должно мешать глубокой и полной характеристике регулируемых отношений, всех без исключения юридически значимых признаков, исключений и дополнений. Другими словами, краткость (экономичность) в изложении текста правовой нормы не должна привести к языковой недостаточности, которую можно проиллюстрировать на следующем примере.

В статье 8 проекта новой редакции Закона Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей», поступившего в Национальный центр законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь на экспертизу [15, с.20], было изложено следующее: «Лица, усыновившие (удочерившие), а также назначенные опекунами ребенка в возрасте до 3 месяцев, имеют право на пособие на основании листка нетрудоспособности». А в статье 5 данного законопроекта определен круг лиц, имеющих право на пособие по беременности и родам, и четко указано, что право на данное пособие приобретают граждане в зависимости от уплаты страховых взносов либо тогда, когда они относятся к определенным категориям: военнослужащие, студенты, безработные, зарегистрированные в государственной службе занятости. Следовательно, право на пособие по беременности и родам имеется у данных лиц независимо от листка нетрудоспособности. В соответствии с рекомендациями Национального центра законопроектной деятельности при

Президенте Республики Беларусь, данная норма была изложена следующим образом: «Лица, усыновившие (удочерившие), а также назначенные опекунами ребенка в возрасте до трех месяцев, имеют право на пособие по беременности и родам, которое выдается на основании листка нетрудоспособности».

Следовательно, стремление к ясности лаконичности и доступности изложения текста правовой нормы не должно приводить к примитивизму, наносить ущерб полноте и точности формулирования нормативных предложений.

Таким образом, краткость в правотворчестве – это максимальная эконоmicность изложения мысли законодателя при сохранении полноты ее содержания [14, с.28] и именно к этому должны стремиться отечественные законодатели.

В свою очередь, автор предлагает несколько расширить перечень требований, предъявляемых к языку права и добавить к нему корректность. Термин «корректность» трактуется как «вежливый, безупречный по тактичности, учтивый» [4, с.290]. В отечественном законодательстве на этот счет имеются некоторые огрехи. В качестве примера можно привести часть 9 статьи 4 УК, в которой содержится определение термина «престарелое лицо», который вряд ли является корректным. Например, в законодательстве ФРГ такой термин и вовсе не употреблялся. Кроме того, в правотворчестве западных стран имеет место такое понятие, как «корректная терминология» [14, с.66]. Видится, что и в нашем законодательстве можно было употребить более тактичный термин, например, «лицо, достигшее определенного (либо преклонного) возраста» и так далее. И это не единственное и далеко не самое не тактичное употребление терминов. Например, статья 1065 Гражданского кодекса Республики Беларусь называется «Права супруга при наследовании». В части 2 данной статьи говорится о том, что «по решению суда супруг может быть устранен (*подчеркнуто авт.*) от наследования по закону...». В русском языке одно из наиболее распространенных толкований слова «устранить» – «уничтожить, изжить». На наш взгляд, это звучит не только некорректно, но и как-то устрашающе. В данном случае видится более тактичным употребление термина «отстранение», который обозначает сходное понятие и не несет в себе элементов устрания.

Кроме того, в пункте 6 статьи 34 Закона среди требований, предъявляемых к стилистическому оформлению текста, содержится и указание на то, что в тексте нормативного правового акта не допускается использование ненормативной лексики. Во введении к Толковому словарю ненормативной лексики русского языка, составленного Д.И. Квеселевичем [16, с.3], указывается, что в данный словарь вошли следующие лексико-стилистические разряды слов и фразеологических единиц: профессионализмы (просторечные и разговорные); слова и фразеологизмы, принадлежащие к социально ограниченной ненормативной речи горожан, находящейся за пределами литературного языка; жаргонные слова и фразеологизмы (жаргон общий, армейский, молодежи, уголовный, жаргон наркоманов и сексменьшинств); вульгаризмы; табуированная лексика.

Вряд ли белорусский законодатель стал бы использовать такого рода лексику, даже если бы запрет на ее использование не содержался в законе. Думается, более правильным было бы закрепить недопустимость использования в текстах некорректной терминологии.

Таким образом, рассмотрев требования, предъявляемые к языку нормативных правовых актов, думается, что было бы не лишним подвергнуть их перечень некоторой корректировке.

Во-первых, во исполнение требования лаконичности языка права и для устранения имеющейся тавтологии видится возможным исключить из статьи 31 Закона требование понятности, а из пункта 41 Правил – простоты и доступности, которые, как указывалось выше, тождественны требованию ясности.

Во-вторых, исходя из того, что выполнение требования точности имеет немаловажное значение для достижения целей правового регулирования, представляется возможным закрепить его в статье 31 Закона.

В-третьих, видится целесообразным в перечень требований, предъявляемых к языку нормативных правовых актов, добавить требование корректности изложения правовых предписаний и соответственно в пункте 6 статьи 34 Закона словосочетание «ненормативная лексика» заменить словосочетанием некорректная терминология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Законотворчество в Российской Федерации: научно-практическое и учебное пособие / Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Формула права, 2000.
2. Василевич, Г.А. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2006.
3. Кашанина, Т.В. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – М.: Эксмо, 2007.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1970.
5. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: научно-практическое пособие / Под ред. Р.Ф. Васильева. – М.: Юриспруденция, 2000.
6. Василевич, Г.А. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» / Г.А. Василевич. – Минск: ИнтерпреСервис, 2003.
7. Власенко, В.А. Язык права / В.А. Власенко. – Иркутск, 1997.
8. Пиголкин, А.С. Подготовка проектов нормативных актов. Организация и методика / А.С. Пиголкин. – М., 1968.
9. Кебец, А.А. Содержание и форма закона: учебное пособие / А.А. Кебец. – Гродно: Гродненский филиал ИСЗ, 2000.
10. Ушаков, А.А. Язык советского закона (исторические заметки) / А.А. Ушаков // Русская речь №1. – 1968.
11. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М., 1957.
12. Справочник по нормотворческой технике: пер. с немецкого. – М.: БЕК, 2002.
13. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. – М., 1990.
14. Керимов, Д.А. Культура и техника законотворчества / Д.А. Керимов. – М., 1999.
15. Рагойша, П.В. Лингвистическая экспертиза законопроектов: от теории к практике / П.В. Рагойша // Юстиция Беларуси. – №6. – 2006.
16. Квеселевич, Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики / Д.И. Квеселевич. – М., 2000.